

Шогенова Марина Чашифовна

### **ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭНДОЭТНОНИМАХ**

Статья посвящена рассмотрению этнокультурного образа языковой личности в эндоэтнонимах как одного из ярких вербальных способов репрезентации когнитивной составляющей этноса. Экспликация и интерпретация культурно насыщенных лексических единиц, в которых обязательным компонентом выступают эндоэтнонимы адыгэ и таулу как самоназвания титульных народов Кабардино-Балкарии, позволяют заключить, что эндоэтнонимы создают некоторое когнитивное ядро, в котором идентифицируются этнические признаки народа и моделируется образ этнокультурной языковой личности.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/60.html](http://www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/60.html)

Источник

#### **Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 211-214. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/)

#### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 81.2.

**Филологические науки**

*Статья посвящена рассмотрению этнокультурного образа языковой личности в эндоэтнонимах как одного из ярких вербальных способов репрезентации когнитивной составляющей этноса. Экспликация и интерпретация культурно насыщенных лексических единиц, в которых обязательным компонентом выступают эндоэтнонимы **адыгэ** и **таулу** как самоназвания титульных народов Кабардино-Балкарии, позволяют заключить, что эндоэтнонимы создают некоторое когнитивное ядро, в котором идентифицируются этнические признаки народа и моделируется образ этнокультурной языковой личности.*

*Ключевые слова и фразы:* этнокультурный образ; этноним; эндоэтноним; языковая личность; когнитивное моделирование; концептуализация.

**Шогенова Марина Чашифовна**, к. филол. н., доцент

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова*

*shog-marina@yandex.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭНДОЭТНОНИМАХ<sup>©</sup>**

Проблемы соотношения языка и человека, относящиеся к активно развивающейся системе современного гуманитарного знания, являются ключевыми для антропоцентрической парадигмы и представляют значимую область полиаспектных исследований, среди которых высокой степенью актуальности отмечены вопросы формирования и развития этнокультурной личности в современном глобализационном и интегрированном пространстве. Следовательно, в картине мира любого народа, безусловно, в центре познания находится сам человек в контексте его мыслей и действий, детерминированных, прежде всего, этнокультурными характеристиками языковой личности как носителя идентифицирующих свойств, признаков, особенностей ментального мышления и поведения. По словам Е. С. Шойсороновой, «этническое обуславливает принадлежность той или иной ЯЛ к определенной группе людей, связанной общностью происхождения, общими антропогенетическими признаками, общностью языка, территории и, наконец, общностью культуры» [11, с. 4]. В ряду таких показателей принадлежности личности к определенной этнической группе выступает этноним как «средство репрезентации когнитивной категории этничности» [7, с. 74]. Термин этноним восходит к названию народа и номинируется его носителями с целью «самопрезентации» в соответствии с этнической координатой мировосприятия и мироощущения, ибо национальное – это сам язык и его этнонимы [10, с. 243]. Название этноса – это не только номинация группы людей, которая позволяет выделить их среди других национальностей, но и источник аксиологической характеристики ЯЛ в контексте понимания и определения лингвокогнитивного уровня в ее структуре.

В контексте этнической парадигмы актуализируется рассмотрение и часто используемого культурно насыщенного термина *эндоэтноним*, или самоназвание, как имя народа, которое он присваивает себе сам. Эндоэтноним является внутренней номинацией народа, звучащей на родном языке и детерминированной разными внешними и внутренними факторами и причинами, но одинаково предопределенной стремлением народа к этнической самоидентификации. Следовательно, заключаем, что эндоэтноним претендует на статус концептуализированной лингвистической единицы, в которой воплощается и отражается повышенное этническое самосознание и самоощущение народа. Будучи номинированным на родном (национальном) языке, термин несет в себе аксиологическую информацию и активизируется на когнитивном уровне структуры языковой личности, в котором кумулируются знания об окружающем мире, ценностные ориентиры этноса, то есть когнитивные возможности и способности этнической языковой личности. Считаем важным подчеркнуть, что такое название носит порой неофициальный характер, его используют преимущественно среди «своих», а главное, оно пропитано родной энергией, родной психологией и вербализуется средствами родного этнического языка, функционирование которого «в форме распределенных по языковым личностям индивидуальных языков определяет ряд его замечательных свойств, таких как способность сообщать соответствующему этносу содержательную выделенность, или неповторимость... способность “схватывать”, накапливать в значениях своих единиц и передавать каждому новому члену этноса наиболее ценные элементы чувственного, умственного и деятельностного опыта предшествующих поколений и ряд других» [6, с. 38].

В связи с этим в настоящей работе делается попытка рассмотрения специфики проявления (отражения, воплощения) этнокультурного образа языковой личности в эндоэтнонимах как одного из ярких способов репрезентации когнитивной составляющей этноса. В качестве лингвистического материала исследования выбраны культурно насыщенные лексические единицы кабардинского и балкарского языков, компонентом которых является самоназвание кабардинцев и балкарцев – титульных народов современной Кабардино-Балкарии. Этнонимическая лексика, без сомнения, отражает базовые ценности в парадигме культурно-языкового единства народа, а также выступает вербализованным средством постижения исторически сформированной специфики познания мира определенным этнолингвокультурным сообществом. Этимология слов *адыгэ* – так называют себя кабардинцы и черкесы – и *таулу*, *таулула* – горец, горцы – одно из самоназваний

карачаево-балкарцев – в данной статье не рассматривается. Однако позволим себе утверждать, что именно лексические единицы, в которых доминантными являются эти слова, создают некоторое когнитивное ядро, в котором воплощается стереотипное представление о целом народе, о специфике его мышления и поведения, отражают этнические обобщенные типичные признаки народа, что и актуализирует вопрос рассмотрения лингвистического выражения этнического самосознания в эндоэтнонимах.

Самоназвание народа – вербальный способ номинации и самопрезентации этноса, мощное средство воплощения когнитивной этничности и отражения специфики ментального мышления той или иной этнической группы. Так, совершенно очевидно, что этнокультурный образ балкарского народа, воплощенный в эндоэтнониме *таулу*, ассоциируется с непоколебимостью и мощью, твердостью и устойчивостью гор, которые и являются источником самоопределения. Прямая номинация концепта настолько тесно связана с названием *таулу*, что в представлении народа это нечто неразделимое цельное. Выбор именно этого эндоэтнонима обусловлен средой обитания народа, детерминирован землей предков, которая символизирует связь времен и поколений, и такое название усиливает этническую принадлежность народа: «... в горах, творении Бога, они видят отражение его великой мощи. Здесь их жилище, их очаг... Горы формируют человека твердого, сильного, уверенного в себе... Горец – вечный труженик, всегда его жизнь полна забот, постель его беспокойна» [4, с. 151]. В когнитивную ядерную зону *таулу* включаются этнические концепты, которые вербализуются и концептуализируются на лингво-когнитивном уровне в структуре как конкретной языковой личности, так и в сознании лингвоколлективной языковой личности, понимаемой нами как детерминант этнокультурной и этноязыковой личности, и представляются частью духовной культуры, концептосферы народа, сосредоточием векового опыта, мыслей, знаний и раздумий этноса, к которому принадлежит конкретный индивидуум. Так, духовная связь народа с природой, а именно с горами, которые метафорично отражают душу народа и выступают как средство этнической самопрезентации, отражается в речевой деятельности и символизирует специфику мировосприятия балкарца. Например, в народе говорят: *тау блат аулу – жан бла тёммек* (балк.) «горы и горец – душа и тело»; *чабакъны жаньы сууда, таулуны жаньы тауда* (балк.) «душа рыбы – в воде, душа горца – в горах»; *тау – таулуны тыпыры* (балк.) «горы – очаг горца» [Там же, с. 150] – словом, «горы предопределяют линию поведения горца во всех сферах его жизнедеятельности: физической, моральной, духовной. Гора – самая значимая, основополагающая категория в ментальности кавказца, определяющая его онтологическую картину мира...» [2, с. 100]. В целом эндоэтноним *таулу* символизирует этническое самосознание в контексте самовыделения и самопрезентации на фоне «других», «остальных».

Принципом сопоставления «своего и чужого», отраженного в эндоэтнонимах, руководствуется и кабардинский народ, который называет себя «адыгами». Неслучайно в пословице *адыгэ нэмыс, урыс насыт* (каб.) [5, с. 44] «адыгская воспитанность что русское счастье» (букв.) выражается привязанность, обусловленность, подчиненность жизни кабардинцев этническому нравственному кодексу *адыгэ намыс*, соблюдение правил которого, по мнению народа, является высшим проявлением счастья, удачливости и средством идентификации целого этноса. Действительно, при описании концепта *адыгэ*, который занимает место этнического ядра, неминуемо выделяется его концептуальный признак, воплощенный в лексической единице *намыс* как выражение адыгской почтительности, как субстрат адыгского народа. Надо подчеркнуть, что понятие *адыгэ намыс* – это, пожалуй, самый яркий индикатор, лингвокультурный маркер, национально-культурный феномен адыгского народа.

Лексемы «нэмыс» (каб.) и «намыс» (балк.) в их прямых номинациях и значениях не имеют синонимов в других языках, кроме как в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском, и несут в себе именно коннотативное значение, символизирующее этнический характер и принадлежность человека к конкретному народу, а потому и требования соблюдения обязательных определенных национальных традиций и обычаев. Концепты *нэмыс* (каб.) и *намыс* (балк.) репрезентируют специфику ментального мышления языковой личности, ее когнитивное и прагматическое содержание и имеют мощную оценочную вербализацию, что актуализировано, например, в выражениях *намысыннэ* (каб.), *намыслы – намыссыз* (балк.), в которых характеризуется негативная сторона личности, прежде всего, как представителя этноса, а этикетные выражения *уи намыс лъагэ ухъу* (каб.) и *намысынг теппемде болсун* (балк.) означают пожелание счастья, удачи, почтения, воспитанности, здоровья, согласия, мудрости и т.п. – словом, все, что, по мнению кабардинцев и балкарцев, характеризует достойного представителя этноса. Поэтому совершенно оправданно определить категорию «намыс» «сложным национально-культурным феноменом... в развитии которого пересекаются время и пространство, прошлое и настоящее, наследие и перспектива, что придает ей характер глобальности и масштабности» [3, с. 31].

В когнитивную ядерную зону *адыгэ* включается и этнический концепт *напэ, адыгэ напэ* (каб.) – лицо, адыгское лицо – как своеобразное определение лексем *честь, совесть*, которые являются универсальными концептами, относятся к морально-нравственной категории и характеризуют этнокультурную личность. Когнитивная интерпретация эндоэтнонима обуславливает семантику лексемы *напэ* в метафорически насыщенных выражениях и вербализует набор потенциальных ассоциаций, хотя в лингвистическом словаре лексема понимается как «лицо, щека». Так, широко известны выражения, в которых *напэ* (лицо) употребляется в переносном значении и обладает положительной коннотацией: *адыгэ напэ илэщ* (каб.) – имеет адыгское лицо (честь) (букв.), то есть достойный, уважительный в соответствии с адыгскими правилами поведения и общения. Однако примечательно, что большая часть лексических единиц с концептом *напэ* употребляется в парадигме отрицательных значений или носит рекомендательный характер. Деривационные связи лексемы определяют такой когнитивный признак, как «бесчестие»: *напэшиагэ* – бессовестность; *напэшиэ* – бессовестный; *напэтех* – позор [1, с. 332], а лексема *напэ* доминирует не только в общеоценочной, но и в регулятивной

зоне и предписывает нравственно-нормативные правила поведения: *уи напэр хьумэ* (каб.) «береги свое лицо (честь)» (букв.); *уи напэр зэтумышыж* (каб.) «не снимай своего лица, то есть не опозорься» (букв.); *адыгэ напэр тевмых* (каб.) «не снимайте адыгского лица» (букв.).

Эндоэтнонимы *таулу* и *адыгэ* отражают особо значимые традиции и вековой опыт предков, к которым относится подчеркнутое гостеприимство как святая обязанность каждого адыга и таулу. Прием гостя для этих народов – это целая нравственная программа, система проявления почтения, уважения, внимания, услужения человеку, который вошел в дом, независимо от его статуса, возраста, материального достатка и т.п. Так, при помощи выражения *адыгэм хьэццIэр и цIасэц* (каб.) [5, с. 44] «для адыга гость – самый желанный, дорогой, любимый» (букв.) моделируется отдельный цельный фрагмент национально-культурной ментальной картины народа, в которой зафиксированы устойчивые единые этнокультурные представления о стереотипном поведении и мышлении этноса. В частности, гостеприимство как ценность и обязанность каждого адыга и таулу подчеркивается принципом создания ситуации сопоставления соблюдения традиционных правил поведения человека и утверждения статуса этнического представительства и его крайнего, сложного, тяжелого материального положения. Однако безапелляционное предпочтение отдается первому аспекту, что подтверждается значимостью эндоэтнонима, который вербализуется, например, в пословицах *адыгэ мыгъуэ – шыгъурэ пIастэрэ* (каб.) [Там же] «самый бедный адыг угостит хлебом-солью» (букв.); *адыгэм я нэхъ тхьэмыщIкIэри бысымыц* (каб.) [Там же] «самая бедная адыгская семья гостеприимная» (букв.); *таулу кеси ач кьалса да, кьонакъларын ач этмез* (балк.) [4, с. 151] «горец сам не поест, но гостей накормит» (букв.). Такое этнически подчеркнутое соблюдение правил гостеприимства для адыга и таулу является священным долгом – не зря и кабардинцы, и балкарцы говорят, что гость – посланник Бога: *кьонакъ Аллахы кьанагъыды* (балк.) [Там же, с. 347] – и в своем обращении к Богу просят не лишать их дома гостя: *Аллах кьонакъсыз этмесин* (балк.) [Там же, с. 342]. Культурно информативное значение эндоэтнонима *адыг* метафорично выступает символом защищенности и надежности – *адыгэм и хьэццIэр быданIэ исц* (каб.) «гость адыга – в полной безопасности» (букв.).

В структуру иерархических связей слова *гостеприимство* как символической интерпретации в контексте эндоэтнонима *адыгэ* включаются и другие концепты, например *адыгэ Iэнэ* (каб.) – адыгский стол, *адыгэ ихын* (каб.) – адыгская еда. Адыгская трапеза – это целая философская система, в которой также доминирует утверждение статуса принадлежности человека к этносу, а потому и непререкаемое соблюдение вековых традиций и правил поведения, как-то: подчеркнутое уважительное взаимоотношение между гостями и хозяевами, старшими и младшими, женщинами и мужчинами и т.п. И поскольку каждый человек относится к определенному роду, семье, адыг особенно стремится быть достойным своих корней. К примеру, выражение *адыгэ льэпкъ* (каб.) – адыгский род, родственные семьи – актуализирует культурно информационное содержание концептуализируемого эндоэтнонима. Концепту *адыг* национальное когнитивное сознание языковой личности приписывает, прежде всего, высоконравственные качества и наделяет обязывающим характером. Такие признаки переносятся на язык с человека, который владеет языком, и создают антропоморфный образ языка как человека – носителя определенных качеств [8], а когнитивный образ адыга в данном аспекте создается, например, в выражении *адыгэр зшимэ, мэутсэ* (каб.) [5, с. 62] «в свободное время адыг раздает милостыню, помогает нуждающемуся» (букв.).

Этнонимы обозначают характерные для данного народа реалии – названия специфических орудий труда, вещей, собственных имен и т.п. [9, с. 220], что актуализируется в ценностных этнических взглядах (представлениях), отраженных в таких кабардинских выражениях, как *адыгэ намыс* (адыгская почтительность), *адыгэ хабзэ* (адыгский этикет), *адыгэ унэ* (адыгский дом), *адыгэ пIащэ* (адыгская девушка), *адыгэ IэлI* (адыгский мужчина), *адыгэш* (адыгский конь), *адыгэ Iэнэ* (адыгский стол), *адыгэ пыIэ* (адыгская шапка), *адыгэ джэгу* (адыгский танец), *адыгэ Хэку* (адыгская земля) и т.п., которые помогают понять специфику этнического мировосприятия и вызывают в сознании носителей языка обобщенный этнокультурный образ языковой личности.

Когнитивная интерпретация того или иного эндоэтнонима позволяет заключить, что семантическое содержание лексемы чаще употребляется в метафорически насыщенных выражениях и имеет совокупность продуктивных ассоциаций. Известны, к примеру, балкарские выражения, компонентами которых является эндоэтноним *таулу*, имеющие положительные коннотативные значения и помогающие идентифицировать когнитивные признаки этноса. Так, словесная формула *таулуну кёлю* (балк.) «душа горца» (букв.) подчеркивает, прежде всего, положительные качества человека именно как яркого этнокультурного образа *таулу*; высказывание *таулу, таиша сыртын таяндырмай, тынчаймаз* (балк.) «горец не отдохнет, пока не обопрется спиной о камень» (букв.) обуславливает происхождение эндоэтнонима *таулу*, ценность быть его носителем, в частности: *таулу суйген – туура сёз* (балк.) – открытость; *таулуну кьолу – жауур, ашагъан ашы – ауур* – трудолюбие, хлебосольность; *таулу, кеси ач кьалса да, кьонакъларын ач этмез* – гостеприимство; *таулу таулугъа тенг* – стремление к свободе, равноправию; *биз жаланжюрек халкъбыз* – душевный, милосердный, народ с открытым сердцем; *бизге ариу айтханнга терк окъуна ийнанып кьалабыз* – доверчивость; *жетген кюнде таулу киши жетеуленнге тенг болур (аллай болургъа керекди)* – сила и смелость, гордость и независимость; *таулуну тёшеги тынчлыкъсыз* – беспокойство (постель горца беспокойна), равнодушие и другие [4, с. 151-152].

Таким образом, когнитивный уровень в структуре языковой личности позволяет кумулировать знания об окружающем мире, ее аксиологические ориентиры, то есть когнитивные возможности и способности языковой личности. В процессе когнитивного моделирования этнокультурного образа языковой личности этнонимическая лексика представляет собой культурно насыщенный структурированный вербализованный пласт, пропитанный концептуальной идеей самоутверждения и самопрезентации при помощи, прежде всего, эндоэтнонима как мощного языкового средства выражения специфики национального мироощущения в контексте этнокультурной парадигмы, как способа создания собственного этнокультурного портрета.

*Список сокращений*

Балк. – балкарский язык, букв. – буквально, каб. – кабардинский язык.

*Список литературы*

1. Апажев М. Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесский-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.
2. Башиева С. К., Геляева А. И., Кучукова З. А. Смыслы и образы времени и пространства // *Философские науки*. М.: Гуманитарий, 2011. № 1. С. 87-107.
3. Башиева С. К., Дохова З. Р., Шогенова М. Ч. Категория «намыс» как лингвокультурный маркер речевого портрета билингвальной языковой личности // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. Сочи, 2013. № 18. С. 28-31.
4. Ёзден Адет: *этический кодекс карачаево-балкарского народа* / сост., предисловие и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
5. *Кабардинские пословицы* / сост. З. П. Кардангушев; на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1982. 148 с.
6. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1997. 414 с.
7. Сироткина Т. А. Этническая личность в языковом пространстве региона // *Филологические науки*. 2009. № 1. С. 74-80.
8. Тавгиридзе Л. А. Объективация концептов русский язык и английский язык в коммуникативном сознании сельских жителей // *Культура общения и ее формирование*. Воронеж, 2001. Вып. 13. С. 66-70.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1986. 288 с.
10. Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры. М., 1999. 285 с.
11. Шойсоронова Е. С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2006. 22 с.

**ETHNOCULTURAL IMAGE OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN ENDO-ETHNONYMS**

**Shogenova Marina Chashifovna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov*  
 shog-marina@yandex.ru

The article aims to investigate ethnocultural image of a linguistic personality in endo-ethnonyms as one of the vivid verbal means to represent cognitive component of an ethnos. Explication and interpretation of the culturally valuable lexical units the obligatory component of which are endo-ethnonyms **адыгэ** and **таулу** as the self-designations of Kabardino-Balkaria titular ethnic groups allow concluding that endo-ethnonyms create a certain cognitive nucleus in which the ethnical features of a nation are identified and an image of ethnocultural linguistic personality is modeled.

*Key words and phrases:* ethnocultural image; ethnonym; endo-ethnonym; linguistic personality; cognitive modeling; conceptualization.

УДК 398

**Филологические науки**

*Статья посвящена истории собирания, издания и исследования башкирского мифологического эпоса «Заятуляк и Хыухылу». Сюжет эпоса, сохранивший в себе архаичные мотивы, до сих пор бытует в живом исполнении. Варианты башкирского духовного наследия были записаны как в Республике Башкортостан, так и в Оренбургской области. Бытования вариантов и версий эпоса «Заятуляк и Хыухылу» говорят о том, что произведение имело большое значение в словесно-поэтическом искусстве в целом, и в духовной жизни народа. В статье также рассматривается популяризация башкирского эпоса.*

*Ключевые слова и фразы:* башкирский эпос; духовное наследие; мифология; фольклор; мотивы; вариант; версия; исследования; популяризация.

**Юлдыбаева Гульнар Вилдановна**, к. филол. н.  
 Уфимский научный центр Российской академии наук  
 nargul1976@list.ru

**БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»  
 (ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ, ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ)®**

Эпос «Заятуляк и Хыухылу» занимает видное место и выделяется в эпическом репертуаре башкир мифо-романической спецификой отображения мира, глубиной идейно-художественного содержания, философией,